

— Ирина, дай воды!

Мама тяжело плюхнулась в кресло, отерла ладонью влажное лицо. Приняв у дочери из рук стакан с минералкой, она отхлебнула пару глотков, поморщилась:

— Ой, не люблю с газом. Каждый пузырек — это ж удар кулаком по печени!

— Хм... Какие у тебя странные аллегории..

— И ничего не странные, все так и есть! А ты не знала?

— Нет.

— Ну, так слушай, чего мать говорит! По моей — точно кулаком. Сразу из ребер вываливается, болью болит... А может, мне в Трускавец съездить, как думаешь?

— Поезжай..

— Хм... Ишь, как у тебя все просто. На какие шиши?

— Я дам денег. Купи путевку в хороший санаторий.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Ладно, поглядим, может, еще обойдется. Просто я сегодня разнервничалась. Да еще и свиную отбивную зачем-то съела...

Мама прикрыла глаза, погладила правый бок. По лицу медленно разлилось болезненное страдание, весьма выразительное, надо сказать. Да такое, что волей-неволей чувствуешь себя плохой дочерью, не способной к испуганному сочувствию. А маме так хочется этого испуга! Чтобы с непременно кудахтаньем, с рассыпанным бисером «ахом» и «охом»...

Она, неблагодарная и бесчувственная дочь, всегда терялась от этого напора многословия, болезненной мимики лица. Наверное, потому, что настоящее, искреннее сочувствие не умеет пробиваться через энергию обвинения — у тебя, милая моя, мать болеет, но «шишей» на лечение нет! А тебе и невдомек, конечно, у тебя-то они есть...

Ирина вздохнула, с тоской поглядела в окно. Подумалось в который раз — ну почему так происходит? Можно же прямо сказать — так и так, дочка, дай денег на поездку в санаторий. Почему надо издалека заходить, хлопотать болезненной эмоцией, да еще и жеманно отмахиваться — ничего, обойдется, мол! Знает же, что отказа не будет. Для чего эта демонстрация страдания-обвинения? Еще и свиную отбивную на помощь призвала... Нет, и впрямь! Если печень болит, так

Ключи от ящика Пандоры

заказала бы себе там, в ресторане, что-нибудь диетическое. Она не сдержалась, произнесла тихо, боясь обнаружить вспыхнувшую искру раздражения:

— Так не ела бы отбивную, мам.

— Ну да! Как было не съесть? Поминки все-таки, ты ж сама их в ресторане заказала. Неловко было с постным лицом над тарелкой сидеть. Да еще и в ресторане! Ишь, как расщедрилась! Конечно, если деньги есть, так отчего же — все только самое лучшее. А что с матерью после отбивной будет, все равно! Ой, ой, как болит... М-м-м...

— Может, таблетку?

— Да что мне с твоей таблетки... В нее сочувствия не положишь!

Ах, все-таки сочувствия не хватает! Да есть оно у меня, ей-богу, только зачем по нему плеткой стегать? Как же ты не понимаешь, мама, что побитое плеткой сочувствие — уже и не сочувствие, а просто выражение лица, обманное, старательно сделанное. И хватит уже формировать у меня чувство вины. Хоть завтра поезжай в свой Трускавец, решили же!

— Нет, я так и не поняла, Ирк, чего ты вдруг этих старух, Машиных подружек, в ресторан на поминки потащила? Могли бы и в ее квартире стол накрыть. Они, поди, отродясь в таком дорогом ресторане не были.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Перестань. Мне для тети Маши ничего не жалко.

— Так ей-то уж все равно, прости, господи, ее душу грешную, царствие ей небесное, вечный покой! А тебе вон какой расход вышел.

— Прекрати!

Наверное, слишком резко она ее оборвала — вон как та в кресле выпрямилась, поджала губы обиженной скобочкой. Сейчас обязательно выдаст чего-нибудь такое, скорбно самобытное, с фольклорным душком родного городка Красногвардейска.

— Прости, доченька, что я твои деньги считаю. Меня-то небось так богато не похоронишь.

Ага, на этот раз без фольклора обошлось. Хотя и не менее убойно. Вот что на это ответишь? Не беспокойся, мамочка, похороню, довольна будешь? И денег на это мероприятие тоже не пожалею, и поминки в дорогом ресторане проведу? Хм... Да уж. И обидно, и грустно. И как ни скажи, все равно виноватой останешься. Лучше уж обойти вопрос обиняком, по касательной.

— Тетя Маша меня любила. Я у нее да у тети Саши единственная племянница была, ты же знаешь. Хотя почему была. Для тети Саши-то пока что есть, слава богу. Не представляю, как она теперь будет без сестры? Все-таки у близнецов особая привязанность друг к другу.

Ключи от ящика Пандоры

— Ну, Александра-то покрепче Марии здоровьем вышла, поживет еще, не волнуйся. А насчет привязанности — подумаешь, близнецы. Одна и радость была, что с лица одинаковые. А так сестры и сестры. Любая сестра к другой привязана. Как и мать к дочери. Вот говоришь, любила тебя шибко Маша. Да уж не больше, наверное, чем я, родная мать!

— Я не сказала, кто больше, кто меньше. Я просто сказала — любила.

— Так оно и понятно: кого им с Александрой еще любить-то было, кроме тебя? Своих детей бог не дал, с молодости один свет в окошке — младший братец, твой папаша. Тряслись над ним, как над малым дитем! Вот и залюбили, и воспитали эгоиста!

— Не говори так. Он же мой отец.

— Да какой отец, ты и помнить-то его не должна! Когда он бросил меня, тебе еще и двух лет не исполнилось! Думаешь, легко мне было одной, с малым ребенком на руках?

— Но ведь тетя Маша и тетя Саша всегда помогали.

— Помогали, конечно, не спору. Как же иначе! Чай, стыдно им было за непутевого братца-то!

— Да ладно, мам. Уж тридцать лет прошло, как его в живых нет, а ты все о нем с обидой говоришь!

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Да! А куда ее денешь, обиду-то? Ты ж не знаешь, каково это — быть брошенной с малым дитем на руках

— Знаю, мам.

— Ой... Ну да... То есть я хотела сказать...

Мама осеклась, осторожно глянула на нее исподлобья. Что называется — прикусила язык. Вот так, бывает, прилетают приветы из прошлого, казалось бы, забытые основательно. Ан нет, не забытые. И, слава богу, у этих приветов уже налета обиды нет. Но ведь и впрямь — было... Было, да быльем-счастьем поросло. Вон даже мама уже не помнит. И хорошо. Вообще надо закрыть тему.

— Я не это имела в виду, Ирочка...

— Да ладно, я все понимаю. Скажи лучше — ты сегодня домой поедешь или погостишь еще?

— А почему спросила? Что, мать в твоём богатом доме не смотрится, да? Интерьер своим деревенским видом портит?

Вообще-то можно на такие вопросы-забияки и обидеться, конечно. Да, это самый легкий путь. То есть сделать вид, будто не понимаешь, что мама этими вопросами всего лишь на проявление дочерней любви провоцирует. А значит, очень ее хочет, и на самом деле не так много, любви-то. И, стало быть, надо растечься уверениями по древу.

Надо. Но не хочется, видит бог. Чего действительно очень хочется, так это чтобы мама уехала.

Ключи от ящика Пандоры

Оттого и пауза образовалась довольно напряженная. Мама уверений ждет, а они, проклятые, застыли где-то на полпути, один тяжкий вздох вырвался наружу.

Да любит она ее, любит! Просто устала. Может она позволить себе устать, в конце концов? От похоронных хлопот, от горя, от поминок на девятый день... И от мамы тоже. Не потому, что она в доме «не смотрится», как только что неказисто подковырнула, а просто хочется, чтобы домашняя жизнь поскорее вошла в привычную колею, потекла в знакомой упорядоченности, в милых сердцу привычках и неспешном достоинстве. Чтобы завтраки по утрам вкусные под веселую пикировку девчонок и насмешливые в их сторону улыбки Игоря, и торопливое обсуждение планов на вечер, и обязательный выход на крыльцо — поглядеть, как они выезжают за ворота на машинах: Игорь на работу, девчонки — в институт, — и помахать вслед рукой. А потом — еще вздремнуть часика два. Сладкий, блаженный сон с мыслью — все при делах пристроены, и она тоже — при очаге хранительница.

Ничего этого с мамой не получается: ни пикировок, ни улыбок, ни легкости — одно вежливое напряжение витает в воздухе — тихо, мол, посторонний в доме. Вроде и близкий человек, кому теща, кому бабушка, кому вообще, простите, родная мать, а не получается. Наверное, это

ВЕРА КОЛОЧКОВА

нормально? Просто привычки к совместному житию нет.

— Я, Ир, у тебя еще про квартиру спросить хотела.

Дочь глянула в мамино задумчивое лицо, в который раз удивляясь, как быстро меняется ее настроение. Пока она мысленно готовилась, как ответить на провокационный вопрос об «интерьере и деревенском виде», мама уже и про сам вопрос забыла, на другом сосредоточилась.

— Что? Про какую квартиру?

— Да про Машину, про какую еще! Она ведь, наверное, тебе ее завещала? Больше вроде некому?

— Ну да. Тетя Саша мне рассказывала, что год назад они вместе ходили к нотариусу, оставили два завещания на мое имя. Им ведь и впрямь больше некому.

Что это она — будто оправдывается? Словно виновата в том, что у отцовских сестер больше родных нет? Да и не в этом даже дело! Вовсе не хотела она никаких завещаний, но раз уж так получилось...

— И что ты с ней собираешься делать?

— Не знаю. Я не думала над этим вопросом, как-то не до того было.

— А ты подумай и поступи по совести.

— В каком смысле?

— А в таком! Вон у тебя дом — полная чаша, живешь, как сыр в масле катаешься. И машина

Ключи от ящика Пандоры

у каждого есть, и на заграничные курорты ездите...

— Мам, скажи прямо — чего ты хочешь?

— Ну, прямо так прямо. Отдай Машину квартиру Снежанке. Чего девка рядом с матерью в нашем захолустье мыкается? Сестра она тебе или кто? Хоть и отцы у вас разные, но все равно! Конечно, ей меньше повезло — у нее таких теток нет. Кроме меня да тебя, вообще никакой родни нет, никто завещания не оставит. Но она ж в этом не виновата, правда? Совсем ведь с пути собьется. А в городе у нее, может, какая-никакая личная жизнь наладится. Отдай, а?

— Хорошо. Вступлю в наследство, потом дарственную на Снежану оформлю.

— Что, правда?!

— Правда.

— И даже с Игорем советоваться не будешь? А вдруг он тебя отговорит?

— Он даже вникать не будет.

— Ой, Ирочка, да неуж и впрямь... Как хорошо, какая ж ты у меня умница! А то ведь, знаешь, устала я с ней под одной крышей-то жить. Хоть и дочь она мне, но характер такой, сама знаешь: живем как кошка с собакой, так и до греха недалеко. Папаша-то у нее тоже был с характером, помнишь?

Да, помнила она отчима, куда ж от этой памяти денешься: грубиян, буян и лентяй. Одно и до-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

стоинство, что с лица красив и на пяток лет мо-
ложе матери был. Когда сестра родилась, подался
на заработки к другу в северный город да так и
пропал там, даже исполнительный лист на али-
менты его не нашел. Видно, не прописано было
судьбой для мамы семейного счастья. И Снежа-
не с мужем не повезло: развелись, не прожив и
года. Как говаривала сестренка — злой рок по
материнской линии. С обидой говаривала, будто
старшая сестра незаслуженно получила семейное
счастье.

— Я одну ее в город отпущу, Олежку при себе
оставлю. Я еще в силах, сама внука воспитаю.
Может, и повезет ей, нового мужа найдет. А что,
при наличии квартиры-то. Как думаешь?

— Не знаю, может быть.

— Ну и ладно, и хорошо... Видишь, как все
славно устраивается. Все-таки хорошо я тебя
воспитала, ты у нас добрая душа. А Игорек точно
не заругается?

— Нет. Он тоже добрая душа, мам.

— Ага, ага... Ну, я тогда прямо сейчас домой
поеду, обрадую Снежанку новостью. Закажешь
мне такси до вокзала?

— Зачем? Я сейчас Коле позвоню, он тебя в
Красногвардейск отвезет.

— А кто это?

— Водитель Игоря, он его по делам фирмы
возит.

Ключи от ящика Пандоры

— А вдруг муж не одобрит, что ты его шофера по личным делам отвлекаешь?

— Нет. Ты вообще слышала хоть раз, чтобы он ругался?

— Нет, но все равно неловко как-то. Да и кто я для него? Теща деревенская, невелика птица, — пропела в мамином голосе привычная провокационная нотка и тут же затихла, ударившись в благоговейное, следом произнесенное: — Ой, прямо нарадоваться не могу, как повезло с зятем! Такой он у нас, Игорек, дай бог ему здоровья. Ну что, тогда соберусь по-быстрому? Да и чего мне там: нищему собраться — только подпоясаться...

Выбравшись из кресла, она шустро начала подниматься по лестнице в гостевую комнату. И через десять минут уже спустилась, держа в руках дорожную сумку.

— Коля через десять минут подъедет. Успеешь еще чаю выпить.

— Да что чаю. Не хочу. Вот думаю — приеду домой, а там холодильник пустой...

Ах, как она забыла-то, господи! Про самое главное, традиционное, сокровенное!

Нашла глазами брошенную на диван сумку, торопливо дернула «молнию», достала кошелек, вытащила наугад несколько шершавых на ощупь купюр.

— Вот, мам... Так, сколько здесь... Тысяча долларов. На месяц хватит, я думаю.